

ГЛАВА 1

ПОМОЩЬ ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ

Жизнь проходит.

Жизнь проходит, грустно думал я, сидя на лавочке напротив увядающей клумбы. До сентября остается неделя. Последняя неделя каникул — самое страшное время в жизни. Начинаешь задумываться о том, что навсегда закончилось. Что скоро в школу... Это так тяжело. Вспомнить иногда пройденный путь, бросить взгляд назад, в былое...

И вот в момент самых томительных раздумий ровно за правым ухом я услышал знакомый, полный нездорового оптимизма голос.

— Я так и знала, что застаю тебя здесь.

Тоска, это была она. Нет, не в смысле, что на меня навалилась новая, очередная и усиленная порция хандры. Нет. Это была Тоска. Моя подружка Антонина.

Тоска появилась неожиданно. А я не чихнул три раза. Наверное, я только дома чихаю.

Вообще, первую минуту я даже не мог ничего ей сказать. Смотрел на нее с глупой улыбкой и чувствовал, как ко мне возвращается вера в жизнь.

— Видел бы ты себя со стороны! — Тоска плюхнулась рядом. — Великий и ужасный Куропяткин страдает на скамеечке в парке! Ожившая классика просто! С государем сделалась ползучая ипохондрия, да?

— Да уж... — невменяемо ответил я. — Ипохондрия...

— Завязывай с грустью! — Тоска толкнула меня локтем в бок. — Ну, давай, приходи в себя, хватит страдать. Потряси головой, это же помогает.

Я потряс головой — это на самом деле помогло.

— Как ты здесь оказалась? — придя в себя, спросил я. — Ты же должна быть в... — я не мог вспомнить названия населенного пункта, где Тоска собиралась провести конец лета. — В населенном пункте N... не помню, короче.

— Я позвонила твоим. Мама сказала, что ты двинул гулять. Гулять ты мог пойти или на реку, или в парк. Я решила начать с парка.

— Понятно...

— Куропяткин, ты это, давай собирайся, я ведь приехала за тобой, — безо всякого перехода сказала Тоска.

— За мной? Зачем за мной? — не понял я.

— Ты что, все мозги отпарил, пока меня не было? Ты забыл, что у нас с тобой дело? Агентство «КиТ»? «Куропяткин и Тоска». Дело есть.

ҚАПҚАН НА ОБОРОТНЯ

Тоска с удивлением уставилась на меня.

— Нет, конечно, я ничего не забыл, — покачал головой я. — Я даже больше чем не забыл. Смотри.

Я засучил рукав на левой руке.

— Это что? — спросила Тоска как-то напряженно.

— Как что? Не видишь, что ли? Это косатка, он же кит-убийца. Посмотри на его зубы!

Тоска скептически промолчала.

— Понимаешь, — начал рассказывать я. — Лето выдалось каким-то... Скучным.

— Скучным?! А как же пираньи? А как же Элвис?

— Ну да, — согласился я, — ну да, пираньи, ну да, Элвис. Но все равно. Потом ты уехала и я в хандру впал, знаешь ли. Мои в Турцию собирались, но не срослось. Короче, грустно мне стало, ну я и это... Пошел в салон и велел, чтобы мне кита выкололи. Чем я хуже других?

— Ты что, дурак? — спросила Тоска голосом моей мамы.

И я даже понял, что она сейчас скажет. Она скажет: «А если бы другие с девятого этажа стали прыгать, ты бы тоже прыгнул?»

— А если бы все с девятого этажа стали прыгать, ты бы тоже прыгнул? — не подвела меня Тоска.

— Надо быть ближе к народу, — огрызнулся я. — А то некоторым свойственно замыкаться в башне из слоновой кости...

— Мой дядя работает в клинике, они все это удаляют, — Тоска ткнула в моего кита. — Я тебя запишу на прием, пока она не въелась по-хорошему.

— Тоска, Тоска, — улыбнулся я. — Не думаешь ли ты, что я дошел до того, что стал делать татуировки?

— Я не думаю, я вижу, — Тоска опять ткнула меня пальцем в плечо.

Я плюнул на ладонь и протер свой левый бицепс.

— Набор «Тату для всех», — сообщил я. — Универмаг за углом. Черепа, мертвецы, цепи разные. Вот и кит тоже оказался. Детям от восьми лет.

— А не сходит, — усмехнулась Тоска.

Я взглянул на свою татуировку. Она действительно не сходила. Видимо, краска была водостойкая.

— Плюнь ты, — попросил я Тоску.

— А чем моя слюна отличается?

— Наверняка ядовитая...

Тоска фыркнула, развернулась и двинулась к выходу из парка.

— Так что ты говорила о деле? — крикнул я ей вслед.

Конечно же, она вернулась.

КАПЦАН НА ОБОРОТНЯ

Дело оказалось довольно обычным. Во всяком случае, так мне показалось на первый взгляд.

Надо было оказать помощь широкого профиля. Как всегда. Правда, в качестве нашего клиента на этот раз выступала баба Надя, родная бабушка Тони.

— Ну, что там стряслось? — спросил я у Тоски. — Только не говори, что у твоей бабушки взбесились патиссоны.

— Патиссоны не взбесились. Их бабушка вообще не выращивает, тут другое...

Тоска принялась рассказывать.

Деревня, в которой в августе отдыхала Тоска, располагалась рядом с небольшой речушкой. И деревня и речушка носили общее довольно прозаическое название Сорняки...

— Ну да, — я хлопнул себя по лбу, — точно, Сорняки. У меня же что-то мусорное в голове вертелось...

— У тебя там мусорная карусель, — съязвила Тоска и продолжила свой рассказ.

Деревенские жители очень гордились своим населенным пунктом и ревностно относились к толкованию его имени. Они наотрез отказывались связывать название Сорняки с растениями, произрастание коих на определенных участках огорода не только нежелательно, но и вредно. Местные краеведы говорили, что издавна низменные места, частенько заливаемые водой, называ-

ли «сор», а деревня как раз в таком месте и находится. А некоторые краеведы в своих изысканиях заходили так далеко, что связывали местную речку с рекой Сорогой из былины о Чуриле Пленковиче.

Другим предметом гордости местных жителей были яблоки. Опять же легенда рассказывает, что давным-давно, в двадцатых годах прошлого столетия, в эту забытую всеми глушь были привезены экспериментальные саженцы яблонь, выведенных самим Мичуриным¹. И вот уже на протяжении многих лет местные жители добросовестно выращивают эти яблони и с удовольствием поедают выросшие на них плоды. И продают тоже. Вкусовые качества этих яблок якобы настолько высоки, что с ними не могут сравниться ни одни привозные. Ни кубинские, ни американские, ни болгарские, ни тем более молдавские. И даже более того, нигде в мире не выращивают подобный сорт яблок, поскольку он смог прижиться только в деревне Сорняки. Земля там какая-то необычная.

И все до последнего времени было благополучно, пока не объявился... оборотень.

¹ Мичурин Иван Владимирович — российский селекционер, создатель многих сортов плодово-ягодных деревьев.

КАПЦАН НА ОБОРОТНЯ

Я вздохнул. Какая скука. Оборотень. Неужели нельзя было придумать чего-нибудь более интересного? Хорек-убийца, маньяк-филателист. Нет. Оборотень. Оборотень, и все тут. Как примитивна человеческая фантазия!

— Это к Буханкину, — сказал я. — Он обрадуется. Я по вервольфам не спец...

Тоска отвернулась.

— Наверняка бродячая собака, — сказал я. — У старушек буйная фантазия, в их возрасте это прощательно. Скучно им, вот они и начинают придумывать. Телевизора насмотрятся еще... Ну, ты же знаешь. Оборотни встречаются так редко, что их пора в Красную книгу заносить.

— Тем лучше, — ответила Тоска. — С бродячей собакой легче справиться. С оборотнем мы, кажется, дела еще не имели?

Я таинственно промолчал.

— Так или иначе, будет интересно, — сказала Тоска. — А вдруг настоящий попадетсЯ?

— Вряд ли, — сказал я. — Но если попадетсЯ, я прибью его голову над монитором. У меня там как раз обои отклеились... И вообще, ты лучше не болтай без дела, рассказывай, что там дальше, я уже весь обратился в слух.

— Рассказываю. Оборотень уже успел напасть на двух старушек. Но они как-то особенно не пострадали. Одну в больницу с психическим припадком чуть не увезли, у другой тоже нервы на

пределе. И наверное, нападет еще. Всем известно, что у бабушек слабое здоровье и напугать их ничего не стоит...

— Погоди, погоди, ты говоришь, что там яблок много растет?

— Ну да. Там раньше колхоз даже яблочный был. «Ленинский путь» назывался.

— Какой еще «путь»? «Ленинский путь», наверное?

— Ну да, «Ленинский путь». Они эти яблоки даже в Кремль поставляли, к правительственному столу. Повышенной сочности. Говорят, сам Брежнев...

— Надо ехать, — перебил ее я. — Теряем зря время.

Это я прямо тут решил. Последняя неделя августа — пусть она пройдет весело.

— Куда ехать?

— Куда-куда, в Лопухи твои.

— В Сорняки, — поправила Тоска.

— Не вижу разницы. Так или иначе — в городе нам с этой загадкой не разобраться. Двигаем. У тебя деньги есть?

— Ну...

— Ты тоже жадина. Твою бабушку терроризирует ликантроп¹, а тебе жалко какой-то ничтожной тысячи рублей! Ну, может, двух от силы. За

¹ Ликантроп — оборотень.

КАПЦАН НА ОБОРОТНЯ

рассказ о твоих приключениях ты выручишь гораздо больше. Кстати, когда мы будем лицезреть-таки первую книгу?

Тоска не ответила.

— Поедем сегодня, а? — предложил я. — Чего дожидаться-то? Душа просит отдохновения. Простые русские просторы...

— Сегодня так сегодня, — Тоска поднялась со скамейки. — Поезд в восемь вечера.

— В двадцать ноль-ноль. В нашем деле важна точность, не забывай...

Я хотел еще сказать о точности, но Тоска уже убежала вдоль по аллее. Девчонки так нетерпеливы, просто не могу.

Я же не спешил. Времени на сборы оставалось еще много, а спешка полезна лишь при списывании контрольных по алгебре. Поэтому я вернулся домой, плотно пообедал, принял ванну, прочитал газету и приступил к подготовке.

О том — пустят меня родители или не пустят, я даже не думал. Тонем, не терпящим возражений, я просто поставил родителей перед фактом своего отъезда.

Мама отреагировала довольно предсказуемо: «Сынок, не опоздай к началу занятий, уроки пропускать нельзя».

Папаша показал кулак, что означало: «Сынок, я в тебя верю, ты не уронишь честь фамилии ниже уровня плинтуса».

Эдуард Веркин

— Все будет тип-топ, — пообещал я. — Привезу вам яблок и брусники, сварим варенье.

Вещей я взял немного. Одежда, томагавк в чехле, спальник, деньги. Это я специально Тоске про деньги нагнал, пускай растрясется немного. Денег у меня было. Я свернул купюры в трубочку, спрятал за подкладку куртки, попрощался с предками и побежал на вокзал.

Охота на оборотня началась. Буханкин, сдохни от зависти.

ГЛАВА 2

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЗУБЫ

Я шагнул в пахнущую сеном тишину.

Добирались долго, почти сутки. Поезд, попутка, лодка, попутка, пешедрал, пешедрал, деревня Сорняки. Прибыли. Деревня как деревня, я таких кучу целую по телику видал. Только тихо очень. Собак и тех не слышно.

Тишина давила.

— Сорняки — не то название, — сказал я. — Этой деревне гораздо больше подошло бы чего-нибудь этакое... Мертвоголовка, Дэд Энд, Инферналино. Что-нибудь стивенкинговское. А вот еще лучше Волчья Тишина. Как раз в тему.

Тоска не ответила.

КАПЦАН НА ОБОРОТНЯ

Дом бабушки Тоски оказался совершенно обычным. Маленькое аккуратное строеньице с резными наличниками. Палисад, калитка, колодец. Все как полагается.

— Здесь всегда так по вечерам? — спросил я Тоску, когда мы отпирали калитку. — Как-то напряженно... И ощущение такое, что за тобой подглядывают из всех домов.

— Не всегда, — скупко ответила Тоска. — Заходи давай.

Тоска еще долго запирала калитку, хотя зачем, было непонятно — через невысокий палисадник мог легко перемахнуть даже инвалид Первой мировой войны. Вообще вокруг было спокойно, если бы не эта тишина...

Короче, я почувствовал себя гораздо спокойнее только после того, как входная дверь бабушкиного дома заботливо за нами закрылась. Мы поднялись по ступенькам, миновали еще одну дверь, потоньше да попроще, и попали в дом.

Своих бабушек я не помню. К сожалению, в живых не застал. А Тонькина бабушка мне понравилась сразу. Худенькая, невысокая, с приятным голосом, в платке. Она улыбалась и говорила как-то нараспев.

— Мои дорогие приехали, а я уж заждалась, — бабушка по очереди обняла нас и поцеловала. — Давайте проходите, раздевайтесь, будем ужинать.

Меня бабушка поцеловала как собственного внучка. Это меня удивило, но понравилось.

— Это моя бабушка Надя, — сказала Тоска, обращаясь ко мне. — Бабушка, а это мой друг Феликс.

— Да знаю, как не знать, весь месяц про него рассказывала, — весело отозвалась бабушка, расставляя на столе посуду.

— Бабушка, — с нажимом произнесла Тоска, — ну что такое говоришь!

Я почувствовал, что Тоске стало неловко, и предпочел сделать вид, будто этого совсем не заметил.

— У нас Феликсов еще не было, — говорила бабушка. — Был один Филимон, да и то давно, после войны сразу. На хлебозаводе работал. Однажды напился и сунул руку в мешалку, все пять пальцев оторвало. А он даже не почувствовал толком, руку перемотал и спать лег. А назавтра эти пальцы в буханках находили. И слух сразу пошел, что на хлебозаводе булки из людей пекут.

Бабушка рассмеялась. И через морщины и старость лет я почему-то узнал Тоску.

— А куда можно положить вещи? — поинтересовался я.

— А вот сюда, — и бабушка проводила меня в смежную комнату, — вот твоя постель, белье чистое заправила.

КАПЦАН НА ОБОРОТНЯ

— Ему, бабушка, постель не понадобится, он у нас на полу привык спать, в спальном мешке, — вмешалась в разговор Тоска.

Бабушка с удивлением посмотрела на меня.

— Да, это горькая правда, — я извлек свою постель и расстелил на полу.

Бабушка покачала головой и пригласила нас к столу.

Отужинали мы на славу. Мне даже показалось, что так вкусно меня еще никто не кормил. Хотя еда была самая простая: картошка вареная, салат из помидоров со сметаной и яблоки. Яблоки на самом деле оказались изумительными. Магазинные яблоки по сравнению с ними имели синтетический вкус.

— Это еще прошлогодние, — сказала Тоска. — В этом году еще не собирали.

— Яблоки ничего, — согласился я. — Если прошлогодние такие... Интересно было бы попробовать свежие.

— Попробуешь еще. А пока надо все разузнать. Тоска повернулась к бабушке:

— Ну что здесь нового произошло? Оборотень не объявлялся?

— Объявлялся, — со вздохом ответила баба Надя, — он теперь долго не успокоится, маньяк-то этот. Проклятый, теперь Никитичну напугал, соседку мою! Она даже заикаться начала.

Баба Надя вздохнула. Я подумал, что простота простотой, а слово «маньяк» бабушке известно. Неумолимый прогресс дошел до самых отдаленных уголков нашей Родины.

Бабушка продолжала:

— Я как крик услышала, из дому выскочила, схватила первое, что попало под руку. Кочергу вроде бы... Побежала к соседке. Калитка настежь открыта, двери тоже, свет во всех комнатах горит. Никитична моя в углу под иконами сидит и крестится. Я ее потом всю ночь корвалолом отпаивала. Весь пузырек ей споила. А наутро она как заблажит: не хочу, мол, тут оставаться. Побежала в соседнюю деревню, вызвала «Скорую». Ее и увезли. Теперь Никитична в районе лежит. Сказали, что месяц будет лежать, не меньше.

— Может, собаки испугалась? — спросил я. — Или волка? Здесь ведь глушь, волки должны водиться?

— Двадцать лет ни одного волка не видно было. Митрофаныч, это охотник наш, последнего да-авно подстрелил. А как подстрелил, так и не было тут волков. Собаки есть, но уж собаку от волка отличить у нас сможет каждый. Даже Рукасовы на что дураки, а и то, наверное, смогут. Никитична говорит, что это к ней маньяк приходил. Это она за своих пращуров расплачивается, вредные они были, насмешники, сплетники.

Бабушка быстро перекрестилась.

КАПЦАН НА ОБОРОТНІ

— Маньяк, значит, — покачал головой я.

Мне стало ясно, что слово «маньяк» для бабы Нади обозначает всех вредных существ. Оборотней, вампиров, жуликов, работников Пенсионного фонда.

Я достал свой комп. Комп у меня навороченный, не знаю, говорил это или нет. Помимо всяких разных полезных вещей, о которых, возможно, пойдет речь ниже, в компьютер встроен диктофон. Двадцать два часа непрерывной записи. Удобно.

— Рассказывай, бабушка, — сказала Тоска. — А мы запишем пока.

— В газету понесете? — осведомилась бабушка.

— Книгу напишем, — ответила Тоска. — Нам в школе задали собирать разные былины...

— Книгу это хорошо. Книга это интересно... Ну так, значит, вот. Как раз перед империалистической войной дело это было. Жил в нашей деревне один кузнец. Мастер — золотые руки. Что хочешь мог сделать. Дар у него был. Однажды взял и сделал он железного соловья. Так тот соловей не только песни пел, но даже прыгал с одной железной веточки на другую. И все у этого кузнеца было, хорошо жил, богато. И невесту он себе нашел — первую красавицу на деревне...

Ну, это уж как водится, подумал я. Кузнец — золотые руки, девица — первая красавица. Не хватает негодяя.

— И наметили они свадьбу уже, на осень, как раз после ярмарки. А до ярмарки надо было работать. Кузнец и работал. Ему купцы, не знаю откуда, из-под Макарьева откуда-то, большой заказ дали. И денег обещали заплатить тьму-тьмущую. Кузнец весь день и работает, кует железо, а иногда еще и ночью кует. А братья его завидовать ему стали — что это, мол, он так много денег получит, а мы что? Люди такие завистливые ведь, страсть просто. И вот стали братья кузнецу нашептывать, что, мол, не все у тебя в порядке с невестой. Засматривается на нее барин, да и сама она к нему тоже, мол, равнодушна...

А вот и негодяй. Вернее, негодяи. Братья-негодяи, подумал я. Завистливые жадные поселяне.

Баба Надя продолжала рассказ:

— Кузнец стал мрачнеть и мрачнеть. А посмотреть, чем там невеста на самом деле занимается, нельзя — работы много. Но ничего, как-то справился. И к ярмарке заказ выполнил. Погрузил все на телеги, поехал на ярмарку купцам сдавать. А невеста осталась его ждать. Купцам товар понравился, оценили его хорошо, дали много денег, даже больше, чем кузнец ожидал. И вот кузнец решил немножко погулять, отвести, так сказать, душу после трудов. Купил он вина, купил баранок, снетков две корзины, пьет, ест, веселится. А купцы, что рядом с ним гуляли, давай к нему приставать. Что, говорят, кузнец, ты можешь

КАПЦАН НА ОБОРОТНЯ

выковать? Все, отвечает кузнец. Все могу выковать, что только есть в этом мире. А что, спрашивают купцы, можешь ли ты выковать железного человека? Чтобы ходил, работал и разговаривал? Нет, отвечает кузнец. Человека не могу. А вот собаку или другого какого зверя — могу. И будет он бегать, будет прыгать. И брехать будет — коли прикажут. Купцы смеются, вина кузнецу подливают. Долго ведь работать придется над такой собакой, говорят, поди, целый год, а то и два. А кузнец совсем распьянел, смеется: какой год, какие два, говорит, за ночь скую железную собаку.

Бабушка зачерпнула из ведра воды, промочила горло.

— И вот стали его подзуживать другие купцы — не скуешь, говорят, железную собаку за ночь, нельзя такое сковать. Скую, отвечает кузнец. Завтра будет здесь железная собака. Стали они об заклад биться. И поставил кузнец все, что заработал. Взял железо, взял инструменты и пошел в кузнию к тамошнему ковалю. Закрылся там и давай молотками стучать. Всю ночь стучал, и утром стучал, а как взошло солнце, так купцы и пошли посмотреть, что у него получилось. Кузнец лежал возле горна и спал. Механическую собаку он не смог сделать, успел сделать только железные зубы.

Бабушка показала руками, какие именно зубы он смог сделать. Видимо, это были железные челюсти.

— Зубы эти щелкали как живые, купцы даже их испугались. Но потом вспомнили про спор, разбудили кузнеца и потребовали деньги. Кузнецу делать нечего было, деньги он отдал. И поехал к себе в село без денег, безо всего, только с этими железными зубами, хотя ярмарка еще должна была идти целую неделю. Приехал к себе, бросил зубы на полку. Приходят братья, спрашивают: как съездил, кузнец, много ли денег заработал, много ли бус своей невесте купил? Кузнец не отвечает, молчит, весь в печали. А братья и смеются: к барину твоя невеста ушла, с ним теперь будет жить. Он побежал к невесте, а ворота заперты, нет никого. И тогда он проклял и себя, и всех, и от бога отказался.

Бабушка перекрестилась снова.

— И так была сильна его ярость, что дошла она до самой этой...

Бабушка забыла, до чего дошла ярость.

— Ну, до этой, — она указывала пальцем в пол, — туда дошла...

— До геенны огненной, — помог я.

— Точно! До геенны. И поднялся из геенны сам Сатана, к нему, к кузнецу, пришел и сказал: «Отдай душу, а я тебе выполню желание любое. Хочешь королем стать, хочешь купцом богатым, кем хочешь, тем тебя и сделаю». А ярость в кузнеце так и кипит, так и брызжет. Не хочу, говорит, быть ни купцом, ни королем, никем не хо-

КАПЦАН НА ОБОРОТНЯ

чу. Хочу барину отомстить, который невесту у меня увел, как это сделать? Посмеялся нечистый, взял с полки зубы железные да и говорит: «Вставь эти зубы и иди к обидчику». Схватил кузнец зубы да и вставил себе. И почувал он, что что-то с ним неладно. Посмотрел он в зеркало, а там вместо человека зверь, обличьем похожий на волка. Зарычал волк и побежал к барину.

— Не надо дальше, — попросила Тоска. — И так все понятно, что там было.

— Понятно? — спросила баба Надя.

— Понятно, — кивнул я. — Все понятно. Расправу над барским семейством вполне можно опустить.

— Ну, как знаете, — вздохнула баба Надя.

И я подумал, что это, наверное, была самая любимая ею часть истории.

— Тогда расскажу, что было в конце... Прибежал кузнец домой, сел на лавку. Весь в крови перепачкан, а сам довольный. Стал зубы вынимать, а они и не вынимаются. Приросли. И так кузнец и сяк — никак не получается. Стал навсегда волком. Завыл он тогда, заплакал горько. А тут невеста его, как назло, приехала, идет к нему в дом, улыбается. Где ты, говорит, мой любый. Я с батюшкой в город ездила, ленты к нашей свадьбе выбирать. Понял тогда кузнец, что обманули его братья, возвели и на невесту, и на барина напаслину. И понял, какой грех на нем. Выпрыг-

нул он в окно, чтобы невеста его не видела таким страшным. Убежал в лес. И стал жить в лесу в берлоге. И скоро не стало в том лесу ни зверей, ни птиц. Зверей кузнец всех порвал в своей злобе железными зубами, а птицы улетели, испугавшись, а невеста погрустила-погрустила, да вышла замуж за другого. Свадьба была пышная, с музыкой, две недели гуляли. И зверь, в которого кузнец уже совсем превратился, услышал эту музыку и пришел из леса поглядеть. Люди как увидели его, так закричали и разбежались, поскольку он был очень, очень страшен. А некоторые даже упали замертво. И так страшно стало зверю, что пошел он тогда к барской усадьбе и прыгнул в пруд. И железные челюсти потащили его на дно.

Бабушка Надя замолчала, набирая воздуха. Я почувствовал, как по левой руке поползли крупные мурашки. История пробирала.

— А дальше что? — спросила Тоска.

— Дальше? Дальше вот что было. Прошлым летом стали тот пруд осушать. Один «новый русский» человек из города купил усадьбу, хотел себе ее отстроить и перед другими хвалиться. Стал пруд осушать, рабочих нагнал, вот и наткнулись на дне на эти железные зубы...

— Это достоверный факт?

Вообще-то я почти никогда не перебиваю взрослых, но в данном случае это было сделать просто необходимо.

ЦАПЦАН НА ОБОРОТНЯ

— Точно нашли эти железные зубы? — спросил я.

— Я сама, конечно, не видела, — сказала баба Надя, — но говорят, что нашли. Прямо на дне пруда. А как нашли их, так все местные мужики, что у «нового русского» работали, сразу поразбегались, ни за какие деньги больше не хотели работать. Он привез каких-то турок, что ли, они вновь взялись за усадьбу, но через три дня все сгорели. Прямо во сне. С вагончиком. Тогда «новый русский» бросил все и уехал. Так усадьба и стоит. А пруд снова водой и илом затянуло, так что там теперь ничего и не узнаешь.

— И все? — поежилась Тоска.

— Не все, — скорбно покачала головой бабушка. — Пруд хоть и затянуло, но дух кузнеца уже потревожили. Вот он и отправился бродить по округе. И в маньяка вселился. Теперь как жить?

— Не волнуйся, бабушка, — сказала Тоска. — Все образуется.

— Точно, — подтвердил я. — Все, конечно, образуется.

Лично мне эта история не показалась правдоподобной. Сказки все это. В каждой деревне полно подобных баек. Легенда. Эта, кстати, довольно оригинальная, раньше я вроде ничего подобного не встречал. К тому же в истории содержалось откровенно нелогичное звено. Баба Надя сказала, что история эта произошла с пращуром ее со-

седки Никитичны. А если он не женился, да еще и утопился в барском пруду, какой он тогда пращур? Какое тогда родовое проклятие?

— А у Никитичны что-нибудь пропало? — спросила Тоска.

— Вроде как нет, — ответила баба Надя. — Да и что маньяку нужно?

— Это точно, — сказал я.

Баба Надя перекрестилась в очередной раз, собрала посуду и понесла ее мыть к умывальнику. Тоска, воспользовавшись отсутствием бабушки, бережно достала из кармана блокнотик и помахала у меня перед носом.

— Здесь я делаю все необходимые записи, — шепотом пояснила она. — Компьютер, это, конечно, хорошо, но про старые способы тоже забывать не следует.

Тоска открыла чистую страничку и написала: «Никитична, жертва № 3. Ничего не пропало. Лежит в больнице».

Я показал Тоске большой палец и кивнул в знак одобрения. Пусть пишет. Ведение записей дисциплинирует мозг, это давно подметили великие люди.

— Пойду выйду, воздухом подышу перед сном, — сказал я. — Проветрюсь.

— Далеко не ходи, мало ли чего, — отозвалась из-за умывальника бабушка.

— Я на крыльцо только, — ответил я.

ҚАПҚАН НА ОБОРОТНЯ

Тоска с бабушкой стали болтать о каких-то родственниках, Тонькиных родителей и ценах на хлеб, масло и томатную пасту.

На улице стало прохладно. А может, просто казалось после теплой избы. Дышать было легко и приятно, не то что в городе. Воздух казался наполненным яблочным ароматом и почему-то запахом винограда. Вкусно пахло, хоть в бутылки закатывай. На небе каким-то уж очень искусственным светом светила луна.

Полнолуние скоро, про себя отметил я. Удачненько приехали. Впрочем, все что ни делается, все к лучшему. Такая вроде пословица.

Скрипнула дверь, появилась Тоска.

— Ну, что скажешь? — спросила она.

— Забавная история, — я зевнул. — Интересно для любителей фольклора. Я такую сказку пока не встречал. А ты что, раньше ее не слышала?

— Не, бабушка не рассказывала. Ты думаешь, что это неправда?

Я пожал плечами.

— Во всей этой истории содержится довольно серьезное противоречие, — сказал я.

— Какое?

— А ты не чувствуешь?

Тоска задумалась.

— Не чувствую, — сказала она через минуту.

Неудивительно, подумал я. Ведь женщины гораздо выносливее мужчин. За счет чего-то эта

выносливость должна образовываться? За счет чего? Правильно. За счет логического мышления.

— Бабушка говорит, что этот кузнец был родственником ее соседки Никитичны. А между тем, что в легенде говорится?

— Что?

— Что кузнец увидел свадьбу собственной невесты и утопился. Значит, у него не осталось детей.

— Ну, — протянула Тоска. — Так бабушка же не говорила, что Никитична — его правнучка. Помнишь, там ведь братья кузнеца настраивали. А Никитична вполне может приходиться кузнецу... ну, внучатой племянницей. Вот и проклятие.

Я отрицательно помотал головой. Сказал:

— Проклятие распространяется только по нисходящей линии. То есть от родителей к детям. Нельзя проклясть даже родного брата или сестру. Не говоря уже о братьях двоюродных-троюродных. Так что дефект в истории есть.

— Тебе бы, Куропяткин, в ЦРУ работать, — надулась Тоска. — Все ты отрицаешь, все ты опровергаешь...

— Не все, а лишь факты, откровенно не укладывающиеся в здравый смысл. Здравый смысл говорит, что такие истории... Возможно, они имеют под собой рациональное зерно, но скорей всего это так называемые былички...

— А кто же тогда нападает на старушек?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ПОМОЩЬ ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ	5
Глава 2. ЖЕЛЕЗНЫЕ ЗУБЫ	14
Глава 3. УЛИЦА ФАДЕЕВА	29
Глава 4. БАБУШКА И ВОЛК	38
Глава 5. ГОСПОДИН ИНКВИЗИТОР	44
Глава 6. ФИЛОСОФ С ПЕРЦОВЫМ БАЛЛОНЧИКОМ	54
Глава 7. ПОЧЕМУ ЗАКРЫТ АМБАР?	64
Глава 8. МОГИЛА ДЛЯ МОБИЛЫ	87
Глава 9. ЗАСАДА	103
Глава 10. НЕ ПЛЮЙ В КОЛОДЕЦ	114
Глава 11. ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР	141
Глава 12. ПОЛУНОЧНЫЕ ЯБЛОКИ	149
Глава 13. РАЗГАДКА ЯБЛОЧНОГО ДЕЛА	171